

В эту эпоху попасть в уездную администрацию было непросто. Чтобы подать иск, приходилось проходить через привратников у главных ворот, затем у вторых, потом у третьих — и лишь после этого бумага могла добраться до главного зала, где заседал уездной начальник. Если не подмазать этих чиновников-посредников, то исковое прошение легко могло «исчезнуть» по дороге и так и не попасть к самому чиновнику.

Всё это происходило из-за злостных и корыстных мелких чиновников и алчных канцелярских служащих, которые разлагали государственную администрацию изнутри. Не зря в народе ходила поговорка: «Врата уездной администрации смотрят на юг — если у тебя правда есть, но денег нет, не смей и заходить!»

Именно благодаря такой системе Юань Дао смог скопить столь внушительный капитал, что позволил ему снимать дом и открывать лавку, обеспечив своей семье вполне обеспеченную жизнь.

Однако у этой системы были и свои плюсы: хоть местное управление порой и было неразумным, зато оно отсеивало множество бессмысленных и надуманных жалоб.

Именно для этого и существовали «Павильон разъяснения законов» (Шэньминьтин) и «Павильон поощрения добродетели» (Цзиншаньтин). Сначала старейшины уезда (сянлао) разбирали мелкие бытовые споры и ссоры. Лишь если дело оказывалось им не по силам, оно передавалось в уездную администрацию.

Такой порядок значительно облегчал работу чиновников и помогал простым людям избежать лишних хлопот и ошибок.

Именно поэтому глава деревни Вэнь и староста Вэнь стремились уладить вопрос именно в Павильоне разъяснения законов: ведь староста Вэнь был одним из девяти уважаемых старейшин, заседавших в этом павильоне.

Он обладал определёнными полномочиями — мог либо прикрыть это дело, либо склонить решение в свою пользу и заставить Вэнь Жуна подчиниться.

Но, увы, Вэнь Жунь был цзюйжэнем — обладателем учёной степени, то есть человеком с официальным статусом и привилегиями. А значит, никакой деревенский старейшина не имел права судить или даже приказывать ему!

Лицо старосты Вэнь стало мрачнее тучи:

— Так ты, получается, совсем не собираешься возвращаться?

— Ни да, ни нет, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Весной следующего года я планирую перенести сюда могилы своих родителей.

— Что?! — Староста Вэнь вскочил с места от изумления. — Перенести могилы?!

Его голос даже дрогнул, будто петух закукарекал от испуга.

В древности считалось, что «умерший — величайший», и относились к покойным так же уважительно, как и к живым. Поэтому перенос могилы воспринимался почти так же серьёзно, как переезд всей семьи — это было поистине великое и ответственное дело.

Да и вообще — будь то свадьба, похороны или помолвка — всё это строго зависело от фэншуй, а уж перенос могилы требовал особого внимания к геомантии.

Переносить могилу? Да это, по грубому выражению, могло разрушить фэншуй всей родовой усыпальницы и навредить благополучию всего рода!

— Зачем тебе переносить могилы? — немедленно вмешался глава деревни Вэнь. — Твои родители похоронены рядом с твоими дедушкой и бабушкой — ведь это и есть место родовой усыпальницы Вэнь! Если ты вынесешь их оттуда, кто будет совершать жертвоприношения? Они станут бродячими духами, бездомными призраками?

— А разве сейчас кто-то их поминает? — холодно усмехнулся Вэнь Жунь. — У них был только один ребёнок — я. Я не смог дать им потомства, не смог продолжить род, но хотя бы не позволю им лежать там в одиночестве, без единого человека, который бы пришёл поклониться и сжёг бы бумагу. Раз уж я ушёл оттуда и отказался от всего имущества, значит, и могилы их там больше не останется. Не стоит вам беспокоиться об этом.

— Я... — начал было глава деревни Вэнь, но Вэнь Жунь сразу его перебил:

— Не нужно ничего говорить. За время моего отсутствия я всё выяснил: могилы моих родителей заросли бурьяном, никто их не убирает, никто не приносит подношений. Зачем тогда оставлять их там? Ах да, кстати — я также перенесу могилы своих дедушки и бабушки. У них больше нет потомков, которые бы их поминали. Лучше всё вынести — так меньше хлопот. Ведь семья моего младшего дяди уже уехала, а значит, с этим местом у меня и у моих родителей больше нет никакой связи.

— Ты... — Староста Вэнь тяжело задышал, явно задыхаясь от гнева.

Но Вэнь Жунь снова не дал ему договорить:

— Таким образом, наша ветвь окончательно исчезнет из рода Вэнь. Я знаю: моё имя уже вычеркнули из родословной книги Вэнь. Вычеркнуть легко, но вернуться обратно — почти невозможно. К тому же я всё-таки цзюйжэнь — не каждая родословная может похвастаться таким именем. А сейчас я уже записан в родословную семьи Ван. Моё официальное имя теперь — Ван Вэнь Жунь.

На самом деле, по правилам, его следовало бы называть «Ван Вэнь-ши» (госпожа Ван из рода Вэнь), но поскольку у него есть учёная степень, никто так его не зовёт. Он остаётся самостоятельной личностью. К тому же он даже не встречался с Ван Цзюнем и уж тем более не состоял с ним в брачной близости. Этот брак — формальность: если обе стороны согласны, то он считается состоявшимся; если нет — то и не было ничего. Всё зависит от того, как на это смотрят сами участники.

А Вэнь Жунь уже признал этот брак. Раз сам «жених» согласен — кому ещё есть что возразить?

А теперь, заявив о переносе могил, он тем самым окончательно рубил все связи с Вэньцзячжуаном.

— Вэнь Жунь, ты хорошо всё обдумал?! — воскликнул староста Вэнь. — Если ты полностью порвёшь отношения, у нас больше не будет повода к тебе обращаться!

— Я думал об этом очень долго, — серьёзно ответил Вэнь Жунь. — Уже после того, как узнал, что сдал экзамены и стал цзюйжэнем, я рассказал обо всём уездному начальнику и инспектору образования.

— Ты... рассказал им обо всём?! — в ужасе переглянулись глава деревни и староста, почти хором выкрикнув: — Как ты мог такое рассказать?!

— Почему нет? — всё так же спокойно улыбнулся Вэнь Жунь. — Инспектор образования даже очень подробно всё выяснил. Оказывается, в Вэньцзячжуане живут настоящие герои: как только увидели, что у них появился суйцай — человек с учёной степенью, — сразу же начали распоряжаться его судьбой! Воспользовавшись его болезнью, не дали лечиться, а насильно выдали замуж, а потом тут же разделили всё его имущество между собой. Разве не забавно?

Забавно?! Да это же катастрофа!

Вэньцзячжуан всегда выделялся среди других деревень благодаря частной школе рода Вэнь, где обучали детей грамоте. Даже если из учеников никто не становился учёным, они всё равно умели читать и писать — а значит, им легче было найти работу и прокормить себя.

Кроме того, как только в деревне появлялся человек с учёной степенью, Вэньцзячжуан получал влияние при уездном начальнике: в спорных вопросах власти часто склонялись на сторону деревни. Это и было главной опорой её престижа.

Но теперь, если инспектор образования занес Вэньцзячжуан в «чёрный список» — пусть даже инспекторы часто менялись, — в их кругу у деревни появится дурная слава. Кто знает, вдруг завтра чиновники просто отвернутся от них?

Уже сейчас уездной начальник явно недоволен Вэньцзячжуаном: даже после того, как они

наказали семью младшего дяди, он не удостоил их даже улыбкой.

А ещё ходили слухи, что секретарь Мао особенно благоволит Вэнь Жуню.

Если он благоволит Вэнь Жуню — значит, относится к Вэньцзячжуану враждебно.

— Так ты действительно хочешь полностью порвать с Вэньцзячжуаном? — не выдержал староста Вэнь, сверкая глазами. — Ты вообще ещё хочешь когда-нибудь вернуться в Вэньцзячжуан, быть похороненным в родовой усыпальнице и войти в семейный храм Вэнь?

Вэнь Жунь чуть не рассмеялся — до чего же бессовестны эти люди! Как они вообще могут такое спрашивать? Какие у них мысли в голове?!

И тут в комнату вошёл Ван Цзюэ.

Мальчик был одет в новую ватную куртку и штаны, на ногах — белоснежные сапожки, хвостик аккуратно заплетён. Он чистенький и опрятный вошёл в комнату, услышал последние слова и тут же решительно вступил в разговор:

— Гэфу записан в родословную семьи Ван. В будущем он будет покоиться в усыпальнице Ван и войдёт в наш семейный храм. Когда потомки Ван будут совершать поминовение, для гэфу всегда найдётся миска риса и горсть благовоний. Так что вам не стоит беспокоиться.

— А ты кто такой, малыш? — растерялись двое из Вэньцзячжуан. Они не узнали этого подростка, но по одежде и тону поняли: явно из семьи Ван.

— Я Ван Цзюэ, младший брат Ван Цзюня, — гордо выпрямился мальчик. — Сейчас старшего брата нет дома, а значит, решаю всё я. В этом доме моё слово — это слово семьи Ван.

Увидев, как он вошёл, Вэнь Жунь улыбнулся.

А услышав его слова — и вовсе обрадовался:

— Верно, верно! У нас в доме всё решает он.

Пусть Ван Цзюэ и мал, но он — настоящий Ван. Титул «второго молодого господина Ван» — не для красного словца. Его появление в этот момент чётко обозначило позицию всей семьи Ван. Если бы такие слова произнёс сам Вэнь Жунь, это выглядело бы как черствость и неблагодарность по отношению к роду. Но если их говорит Ван Цзюэ — это официальная позиция семьи Ван. А ведь сейчас он — старший мужчина в роду Ван, и именно его слова имеют вес.

Двое приезжих из Вэньцзячжуан растерялись перед этим юным парёнком.

Мальчишка смотрел на них, как маленький волчонок — глаза острые, взгляд свирепый. Жаль только, что такую хорошую одежду носит такой дикий ребёнок.

Но Ван Цзюэ лишь улыбнулся:

— Дедушка Чжан, гэфу, у нас как раз время полдника! Я велел приготовить маленькие пельмени с бараниной, а ещё — вяленую свинину и, конечно, пирожки с финиками. Там уже раздают, а я велел принести немного и сюда.

В этот момент вошла жена Чэнь Цяна с большим подносом в руках. На нём стояли четыре миски с пельмешками, фаршированными бараниной. Она поставила их в передней части западной комнаты, где был тёплый кан, — всё-таки не в гостиной же есть!

Вэнь Жунь очень вежливо пригласил гостей отведать лёгкую закуску: маленькие пельмени с бараниной, наваристый бульон из говяжьих костей, посыпанный сушеной креветкой и запечённой ламинарией — такая свежесть, что язык проглотишь!

Где в деревне увидишь такие изысканные пельмени?

Вэнь Жунь сразу узнал: тесто для оболочки замешано на утином белке — только так можно раскатать лепёшку тоньше бумаги. Внутри — начинка из баранины с зелёным луком, а бульон сварен на костях, с добавлением морской креветки и подсушенной ламинарии. Такую заботу и тонкий вкус могла проявить только жена Чэнь Цяна.

Одни только эти пельмени — и столько изысканности! Что уж говорить об остальной еде в этом доме?

Двое гостей из Вэньцзячжуан чувствовали себя крайне неловко.

Еды подали немного, ели недолго — но за это время они ясно осознали разницу между жизнью Вэнь Жуна и своей собственной.

С поникшими головами и опущенными глазами они доели и приготовились уходить.

Вэнь Жунь и дедушка Чжан лично проводили их до ворот. И тут как раз вышло так, что ученики из школы один за другим вышли из столовой с мисками в руках — несли посуду обратно на кухню.

Они шли стройной очередью.

Увидев такое количество детей — всех чистеньких, вежливых, некоторых даже с учебниками за спиной, — гости остолбенели.

Мальчишки и девчонки раскачивались, громко декламируя:

«...Воспитывать, не обучая — ошибка отца;

Обучать, не требуя строгости — лень учителя...»

Целая толпа детей, от самых маленьких до подростков, шла стройными рядами — видно было, что воспитаны они прекрасно.

Пусть одежда у них и простая, местами даже с заплатками, но лица у всех румяные, здоровые, глаза горят жаждой знаний, а в руках — миски, из которых только что доедали обед.

Столько детей — значит, еды уходит немало. Как говорится: «Подросток — отца в могилу загонит»: в этом возрасте растут как на дрожжах и едят за троих.

А Вэнь Жунь предпочёл вкладываться в будущее Ляньхуаао, а не возвращаться в Вэньцзячжуан.

Как после этого не почувствовать стыд?

Когда они приехали, то мечтали, как бы извлечь из Вэнь Жуна ещё больше пользы: пусть вернётся в Вэньцзячжуан, станет опорой рода, будет помогать, а главное — обучать детей Вэнь. Ведь если он смог сдать экзамены и стать цзюйжэнем, то подготовить суйцаев для него — раз плюнуть!

Мечты были прекрасны... но реальность больно ударила их по лицу.

Вэнь Жунь не хочет возвращаться в то место, где ему причинили столько боли. Он даже собирается перенести могилы родителей и дедушек с бабушками! Предпочитает воспитывать детей в этой глухой деревушке Ляньхуаао, а не помогать своим родичам.

Староста Вэнь вдруг похолодел внутри: если бы с ним поступили так же, он бы тоже никогда не вернулся.

Они уехали из Ляньхуаао совершенно подавленные, словно потеряв душу.

Как только гости скрылись из виду, Вэнь Жунь тут же перестал изображать официальную учтивость. Он взял дедушку Чжана за руку и повёл обратно в дом — не в гостиную, а прямо в

западную переднюю, где стоял тёплый кан.

Они уселись на горячий кан. На этот раз чай подали не в изысканных трёхсоставных пиалах, а в простых больших чашках, из большого чайника. На столе лежали жареные семечки и арахис, пирожные и мороженые хурмы.

— Я даже не осмелился выставить всё это, пока они были здесь, — весело улыбнулся Вэнь Жунь, протягивая дедушке Чжану размороженную хурму. — Попробуйте, вкус сладкий, очень приятный.

— Сегодня ты так с ними обошёлся — они тебя ненавидеть будут, — обеспокоенно сказал дедушка Чжан. — Вэньцзячжуан ведь хорошее место: там много людей, сила в единстве.

— Чего бояться? Пусть их хоть тысяча — всё равно простые крестьяне. А я — цзюйжэнь! — Вэнь Жунь действительно не боялся. — Посмеют тронуть меня? Сам уездной начальник не посмеет, не то что они!

У него были на то основания: разве Вэньцзячжуан сейчас хоть что-то может с ним сделать?

С другой стороны, и сам Вэнь Жунь не мог сильно давить на Вэньцзячжуан. Ведь это родина прежнего владельца его тела, место, где он вырос. Он мог отказаться возвращаться, но не имел права мстить или карать родичей. Сейчас все знали, что он — жертва. Если бы он начал преследовать Вэньцзячжуан, люди сочли бы это чрезмерным: мол, ради карьеры и учёной степени он гнобит собственных родственников, ставя амбиции выше крови и родственных уз.

В этом обществе такое поведение не только не одобрялось — оно грозило серьёзным уроном репутации. Поэтому Вэнь Жунь мог лишь холодно дистанцироваться.

Именно так он и решил поступить — это был единственный выход из безвыходного положения.

Пусть Вэньцзячжуан сам разбирается со своими проблемами!

Зато хоть немного отомстил за прежнего владельца тела.

Дедушка Чжан долго думал, но лучшего решения не нашёл и в конце концов согласился:

— Ладно, будь осторожен. Мне пора домой — в такую метель выходить, да ещё и холод собачий!

— Вам и правда нелегко в такую погоду пришлось! — Вэнь Жунь тут же спрыгнул с кана. — Дети пока у меня поживут, зимой всё равно делать нечего. Я велел положить у ворот бараний окорок — возьмите с собой. И два корня имбиря — согреетесь. Как же так всё время метёт да

вьюжит!

В прошлой жизни Вэнь Жунь был с северо-востока Китая, поэтому морозы и метели его не пугали. Но здесь холод был особенный — не просто «холодно», а «пронизывающе до костей»!

Если бы не построил он себе хороший дом, а жил бы в прежней глиняной хижине, давно бы замёрз. Угля и дров он топил немало — в такую стужу лучше вообще не выходить на улицу. Его нынешнее тело было крайне слабым: сколько ни пытался укрепить здоровье, всё без толку. Поэтому он решил провести зиму дома, совмещая обучение детей с отдыхом и заботой о здоровье — главная цель: восстановить этот изношенный организм.

Дедушка Чжан рассмеялся:

— Да разве мне не хватает твоего бараньего окорока?

Хотя дедушка Чжан и был главой деревни, его семья не была богатой — и уж тем более не могла себе позволить есть баранину просто так, «для согрева».

Вэнь Жунь прекрасно знал: в это время даже суп из рёбрышек с лотосом варили лишь по случаю прихода дорогих гостей.

И в огромном котле лотоса было полно, а рёбрышек — всего три-пять кусочков, которые долго варили и долго томили. И даже тогда мясо доставалось только детям и старикам.

Жили очень бедно... но в этом году все чувствовали, что стало легче: хоть хлеба на зиму хватило каждой семье.

<http://bllate.org/book/15642/1398068>